

К Р О К О Д И Л

Н. ГИЗБУРГ 43

Рис. Ю. Гинзбург

«Невеселы стали немецкие солдаты. Тень Сталинграда лежит на их лицах».

(«Гамбургер фрейдблатт»)

ПОСЛЕ НАЛЁТОВ АНГЛИЙСКОЙ АВИАЦИИ НА ЗАВОДЫ КРУППА

Рис. Г. Валька

Разукрупнение немецкой промышленности

ФОТО

Получил у дзота
снайпер молодой
от любимой фото
с надписью такой:

«Бей зверей-бандитов,
Бей, не подкачай,
И на фото битых
фрицев отмечай».

«Просьбу выполняю, —
пишет он в ответ. —
Срочно отправляю
фрицев на тот свет».

Занят он охотой.
Что ни день, подряд
новые на фото
палочки стоят.

Что ни день, он фрицев
на прицел берёт.
Рота вся дивится:
что за быстрый счёт?!

Дни летят стрелою.
Снайпер запустил.
«Что это с тобою?» —
друг его спросил.

Тихо он ответил:
«Негде отмечать,
я уж не отметил
фрицев двадцать пять».

Фото с оборота
всё исчеркал я,
а с лица на фото
милая моя!»

И друзья всей ротой
написали ей:
«Шлите снова фото,
только покрупней».

Мих. ЕГОРИН,
гвардии младший сержант

Действующая армия.

Крик наболевшей души

— На что жалуетесь?

— Стыдно сказать, — отвечает пленный ефрейтор Арнольд Дейринг.

Но через минуту — другую гитлеровец перестает «стыдиться».

— Я и многие другие немецкие солдаты очень жалуемся на иностранцев.

— На каких иностранцев?

— На всех. То есть на тех, которыми сейчас заполнена Германия.

— А чем они провинились? Ведь всякому известно, что им не сладко живётся у вас.

— Что верно, то верно, но всё же многие из них, особенно итальянцы, заняли у нас лучшие посты на предприятиях и...

— И где ещё?

— В семье.

— Конкретно?

— Конкретней быть не может. Речь идёт главным делом об итальянцах. Союзники, чтоб их дьявол побрал!

— Но они же вам помогают?

— Помогают. Очень даже. Спасибо им за такую подмогу. Немцы за них воюют, а эти макаронники...

— Не хотят воевать?

— Хуже. Они живут с жёнами немецких солдат!..

Это крик наболевшей души. И жалобно кричит не один ефрейтор Арнольд Дейринг. Многие пленные фрицы с большим оживлением касаются этой темы.

Обер-ефрейтор Курт Магдебург тоже может кое-что рассказать по данному вопросу:

— Во всей Германии, в том числе и в Берлине, наблюдается огромное количество иностранцев. Когда я зашёл как-то в одно кафе, то услышал французскую, польскую, чешскую и особенно итальянскую речь. Немецкой речи почти не было слышно...

Наблюдения обер-ефрейтора не ограничиваются стенами кафе. Он в Германии ещё и другое заметил:

— Массовые размеры приняло сожительство немков с иностранцами. 50—60 процентов берлинских женщин участвуют в этом деле. Основная тема разговоров наших солдат, побывавших на родине, — это измена их жён...

Вот какие впечатления выносят, между прочим, фрицы, побывавшие в Германии. Справедливости ради надо отметить, что выносят они оттуда не одни впечатления.

— Немецкие солдаты, — рассказывает наблюдательный обер-ефрейтор, — возвращающиеся из Германии, почти всегда приезжают на фронт больные венерическими болезнями...

Что у кого болит, тот о том и говорит...

Гитлеровская вотчина превратилась в вертеп со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правительство всячески поощряет чистокровных ариев в этой их полезной для фатерлянда деятельности.

Вернёмся к показаниям того же обер-ефрейтора Курта Магдебурга.

— Огромные размеры приняла проституция, — повествует он. — В самом Берлине сильно процветает уличная проституция. Уличные проститутки бывают легальные (имеющие разрешение властей) и нелегальные (без такого разрешения). Проституция в Германии приняла за время войны широкие размеры. Это объясняется главным образом тем, что заработная плата рабочих и служащих резко снизилась...

Фашистские власти действуют в этом вопросе по принципу: «Единым махом двух побиваю». С одной стороны, путём легализации и поощрения проституции они заботливо повышают прожиточный минимум немецкой семьи. С другой стороны, они стараются хоть чем-нибудь украсить жизнь иностранцев, томящихся на германской «готальной» каторге.

Что же касается доблестных итальянцев, то им здесь представляется единственная возможность отличиться и показать, что они не всегда отстают.

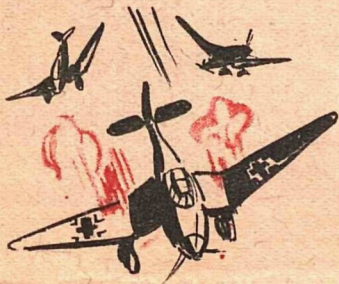
Г. РЫКЛИН

Батареиный заяц

ДАЛЕКО на севере, на самом краю нашей земли, у холодного Баренцова моря, стоит батарея знаменитого командира Поночевного. Тяжёлые пушки укрылись в скалах на берегу — ни ни один немецкий корабль не может пройти мимо нашей морской заставы.

Не раз пробовали немцы захватить эту батарею. Но артиллеристы Поночевного и близко к себе врага не подпускали. Хотели немцы уничтожить заставу — тысячи снарядов посылали из дальнобойных орудий. Устояли наши артиллеристы и сами таким огнём ответили врагу, что вскоре замолчали немецкие пушки — разбили их меткие снаряды Поночевного. Видят немцы, с моря не взять Поночевного, с суши не разбить. Решили ударить с воздуха. Вот уж двадцать месяцев подряд день за днём посылают немцы воздушных разведчиков. Коршунами кружатся они над скалами, высматривая, где спрятались пушки Поночевного. А потом налетают большие бомбардировщики, швыряют с неба на батарею огромные бомбы.

Если взять все пушки Поночевного и взвесить их, а потом подсчитать, сколько бомб и снарядов обрушили немцы на этот клочок земли, то выйдет, что вся батарея весит в пять раз меньше, чем страшный груз, сброшенный на неё вратом...

Недавно я был на батарее Поночевного. Весь берег там разворочен бомбами. Чтоб пробраться к скалам, где стоят пушки, надо перелезть через большие ямы-воронки. Некоторые из этих ям так просторны и глубоки, что в каждой из них уместился бы цирк с ареной и местами для зрителей.

С моря дул холодный ветер. Он разогнал туман, и я рассмотрел на дне огромных воронок маленькие круглые озёра. У воды сидели на корточках батареинцы Поночевного и мирно стирали свои полосатые фуфайки. Все они недавно были моряками и нежно берегли матросские тельняшки, которые им остались на память о флотской службе.

Меня познакомили с Поночевным. Весёлый, немножко курносый, с хитрыми глазами, смотревшими из-под козырька морской фуражки. Только мы разговорились, как сигнальщик на скале закричал:

— Воздух!

— Есть! Завтрак подан. Сегодня завтрак дадут горячий. Укрывайтесь! — проговорил Поночевный, оглядывая небо.

Небо загудело над нами. 24 «юнкерса» и несколько маленьких «мессершмиттов» летели прямо на батарею. За скалами громко, торопясь, застучали наши зенитки. Потом тонко заверещал воздух. Мы не успели добраться до укрытия, земля охнула, высокая скала недалеко от нас раскололась, и камни завизжали над нашими головами. Твёрдый воздух ушиб меня и повалил на землю. Я заполз под нависшую скалу около берега и прижался к

камню. Я чувствовал, как ходит подо мной каменный берег.

Грубый ветер взрывов толкался мне в уши и волок из-под скалы. Цепляясь за землю, я что есть силы зажмурил глаза.

От одного сильного и близкого взрыва глаза у меня сами раскрылись, как раскрываются окна в доме при землетрясении. Я уж было собрался опять зажмуриться, как вдруг увидел, что справа от меня, совсем близко, в тени под большим камнем, шевелится что-то белое, маленькое, продолговатое. И при каждом ударе бомбы это маленькое, белое, продолговатое смешно дрыгалось и снова замирало. Меня так разобрало любопытство, что я уже не думал об опасности, не слышал взрывов. Мне только хотелось узнать, что за странная штука дрыгается там под камнем. Я подобрался ближе, заглянул под камень и рассмотрел белый зайчий хвостик. Я подивился: откуда он здесь? Мне известно было, что зайцы тут не водятся.

Прохнул близкий разрыв, хвостик судорожно задргался, а я поглубже втиснулся в расщелину скалы. Я очень сочувствовал хвосту. Самого зайца мне не было видно. Но я догадывался, что бедняге тоже не по себе, как и мне.

Раздался сигнал отбоя. И тотчас я увидел, как из-под камня медленно, задом выбирается крупный заяц-русак. Он вылез, поставил торчком одно ухо, затем поднял другое, прислушался. Потом заяц вдруг сухо, мелко, коротко пробил лапами по земле, словно сыграл отбой на барабане, и запрыгал к батарее, сердито прыдая ушами.

Батареинцы собрались около командира. Сообщали результаты зенитного огня. Оказывается, пока я там изучал зайкин хвост, зенитчики сбили два немецких бомбардировщика. Оба упали в море. А ещё два самолёта задымили и сразу повернули домой. У нас на батарее бомбами повредили одно орудие и осколком легко ранило двух бойцов. И тут я опять увидел косога. Заяц, часто подергивая кончиком своего горбатого носа, обнюхал камни, потом заглянул в капонир, где укрывалось тяжёлое орудие, присел столбиком, сложив на животике передние лапы, осмотрелся и, словно заметив нас, напрямёхонько направился к Поночевному. Командир сидел на камне. Заяц подскочил к нему, забрался на коле-

ни, оперся передними лапками на грудь Поночевного, дотянулся и стал усатой мордочкой тереться о подбородок командира. А командир обеими руками гладил его уши, прижатые к спинке, пропускал их через ладони... Никогда в жизни не видал я, чтоб заяц держался так вольно с человеком. Стучалось встречать мне совсем ручных зайцев, но стоило коснуться ладонью их спины, и они замирали от ужаса, припадая к земле. А этот держался с командиром запанибрата.

— Ах ты Заяц-Зайч, — говорил Поночевный, внимательно осматривая шкуру своего приятеля. — Ах ты нахальный зверюга... Не покорило тебя? Не знакомы с нашим Заяц-Зайчем? — спросил он меня. — Это мне подарочек разведчики с Большой Земли привезли. Паршивенький был, малокровный такой с виду, а у нас отъелся. И привык ко мне! зайчишка, прямо ходу не даёт. Так и бегает! за мной. Куда я — туда и он. Обстановка у нас, ко-

нечно, для заячьей природы не очень подходящая. Сами могли убедиться, шумно живём. Ну, ничего, наш Заяц-Зайч теперь уже — малый обстрелянный. Даже равнение имел, сквозное.

Поночевный взял осторожно левое ухо зайца, расправил его, и я увидел зарубцевавшуюся дырочку в лоснящейся, плюшевой, розовой изнутри коже.

— Осколочком прошибло. Ничего. Теперь зато в совершенстве изучил правила ПВО. Чуть налетят, он уже мигом где-нибудь укроется. А один раз было, так без Заяц-Зайча была бы нам полная труба. Честное слово! Долбили нас часов тридцать подряд. День полярный, солнце на вахте круглые сутки бесменно торчит, ну вот немцы и пользовались. Как это в опере поётся: «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Так вот, стало быть, отбомбили они, наконец, ушли. Небо в тучках, но видимость приличная. Огляделись мы: ничего как будто не предвидится. Решили отдохнуть. Сигнальщики наши тоже притомились, ну и проморгали. Только смотрим: Заяц-Зайч тревожится чего-то. Уши наставил и передними лапами чечётку бьёт. Что такое? Нигде ничего не видно. Но знаете, какой у зайца слух? Что же вы думаете, не ошибся зайчишка. Все звукоуловители опередил. Сигнальщики наши только через три минуты обнаружили самолёты противника. Но я уже успел на всякий случай команду дать заранее. Приготовились в общем к сроку. С того дня уже знаем, если Заяц-Зайч ухо наставил, чечётку бьёт, — следи за небом.

Я поглядел на Заяц-Зайча. Задрал хвостик, он резво прыгал на коленях у Поночевного, искоса и с достоинством, как-то совсем не по-зайчишки озирал стоявших вокруг нас артиллеристов. И я подумал: «Какие же смельчаки, наверное, эти люди, если даже заяц, немного пожив с ними, сам перестал быть трусом!»

ЛЕВ КАССИЛЬ

Вязьма

— Посмотри, в каком глубоком трауре Эльза.

— Ещё бы! Первого мужа она потеряла в прошлом году, при взятии Вязьмы, а второго — теперь, при отступлении из Вязьмы.

Натюрморт.

немецкое пополнение.

больной

— Так и так, — докладываем, — задерживают нас обоих. Желаем обратно на фронт. Начальник говорит:

— А ну, покажите раны. А вы, сестра, пошлите за ихними историями болезни... И-да... с такой рукой, товарищ боец (это он мне), вас задержали в госпитале года на полтора—на два... Так что ли? Рана-то у вас сорокового года, не моложе.

Понимаете, какой дошлый начальник? Сразу увидел, что рана — старая!

А тут ещё как на прех из нашей палаты сиделка приносит мою историю болезни и шепчет ему — начальнику:

— Это наш больной — Елисеев, он такой капризный, такой нравный, всё он хочет убежать от нас.

Начальник спрашивает уже нас обоих:

— Позвольте, кто из вас ранен в ногу? (Кто из вас Елисеев?)

Я показываю пальцем на своего напарника и говорю:

— Он — Елисеев!

А напарник, видать, уже одрепфил и на меня пальцем:

— Елисеев — он!

Я говорю ему:

— Елисеев, как тебе не стыдно?!

А он:

— Сам ты Елисеев!

А начальник госпиталя, я смотрю, кровью наливается:

— Коменданта, — говорит, — ко мне!

И вдруг из кабинета выходит — кто бы вы думали? — наш генерал-майор, командир дивизии!

— Елисеев, — говорит, — что ты тут бузишь?

Я ему рапортую:

— На фронт прошусь который день, товарищ генерал-майор.

Генерал обращается к начальнику:

— Это, дорогой доктор, один из лучших моих орлов. Командир отделения старший сержант Елисеев. Представлен к ордену и вообще — воин, что надо. Нельзя ли его поскорее починить?

Начальник пожал плечами, говорит:

— Как я могу вам ответить, когда я даже не знаю его раны. Он мне все старые царапины подставляет...

Не знаю, то ли генерал тут помог, то ли нога зажила скорее, чем положено, — только отпустили меня через два дня обратно в часть. И вот я опять командую своим отделением, и на фрицев наседаем что есть силы!

В. АРДОВ

Действующая армия.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

СТРОГО ПО УСТАВУ

— Почему ваши солдаты бегут без остановки, господин обер-лейтенант?

— Они действуют по уставу, господин майор: бояться отстать и потерять связь со штабом.

(«Патриот родины»)

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Геббельс: — Как работают танковые и пушечные заводы?

Промышленник: — С полной нагрузкой.

Геббельс: — А продукция хорошего качества?

Промышленник: — Если судить по военным сводкам, русские берут её охотно.

(«В бой за родину»)

СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

— Фрау Фрицке, чём вызвана смерть вашего мужа?

— Пополнением.

— ??

— Он оказался в пополнении, отправленном на Восточный фронт.

(«В бой за родину»)

— Интересно знать, товарищ майор, какие операции предстоят на вашем участке?
 — А вы умеете хранить военную тайну?
 — О, да!
 — Я — тоже.

РЕВИЗОР СЫРОЕШКИН

Когда Сыроешкин уезжал в командировку на периферию, начальник его предупредил:
 — Особенно посмотрите, как там с самоснабжением. Нет ли подобных позорных фактов и вообще. Вернувшись, Сыроешкин докладывал:
 — Никак нет. Там профсоюз такой контроль устроил, муха не пролетит. Судите сами: чтобы взять эту свининку, мне на склад чуть ли не ночью пришлось идти...
 — Какую свинину?
 — А вот эту. Директор периферийной конторы вам в подарок прислал.
 Начальник распаковал свёрток и разглядывал содержимое.
 — Да, свининка-то постная... Ну ничего. Так говорите, там фактов самоснабжения нет? Вот и хорошо. А то я бы такого безобразия не пертерпел.
 А. Эр-й.

КТО КОГО

Рис. Бор. Ефимова

— Гитареску, где твои соломенные валенки?
 — Конь съел.
 — А конь где?
 — Немец сожрал.
 — А где немец?
 — Вороны склевали.
 — А где вороны?
 — Мы их слопали.

Маланьины и Поклоухинки

ЕЩЕ недавно в подъездах Петровки и Столешникова ютились кустари-кепчонники, ловко перелицовывавшие ветхие штаны в модные кепки. Должно быть, именно у них поэт Илья Финк обучился искусству бесконечного перекраивания своих произведений, искусству бойкой торговли репертуарным старьем.

Всю литературную продукцию Илья Финка любая машинистка может переслукать за пятнадцать минут. Но секретарь — самый настоящий секретарь, в роговых очках и с автоматическим пером, — у него был. И это не прихоть капризного поэта, а деловая необходимость.

Нагрузка у секретаря действительно была велика.

— Алло!.. «Националь»? Будьте добры 404-й номер.. Это 404-й? Кто говорит?

— Говорит секретарь поэта Финка.

— А мне нужен сам Финк..

— Откуда спрашивают?

— Из 11-го ансамбля.. Товарищ Финк должен был ещё 5-го представить материал по договору, а уже 25-е.. Он обещал сегодня обязательно быть у нас..

В телефоне заминка:

— Сегодня Илья Григорьевич быть никак не может.. Он.. тм.. тяжело болен..

— Как же он тяжело болен, если его сорок минут назад видели в трамвае?

В телефоне заминка:

— Возможно, товарищ, возможно.. Илья Григорьевич ездил на операцию..

— Что же, вашего Илью Григорьевича оперировали в бухгалтерии цирка?.. Он там часа полтора у кассы торчал..

Едва успевал секретарь отбиться от одного клиента, как в коммутатор «Националя» уже настойчиво стучался другой:

— Товарищ Финк?

— Это секретарь товарища Финка..

— Послушайте, секретарь: что у вас там за лавочка? Мы приобрели специально для нас специальное обозрение, и оказалось, что оно раньше уже специально написано для ВГКО, специально для цирка и специально для..

Ко всему привычный секретарь не теряет присутствия духа:

— Это какая-то ошибка, товарищ!.. Должно быть, всё произошло без ведома Илья Григорьевича..

— Ну да, конечно!.. А деньги за все эти комбинации Илья Григорьевич получал, тоже ничего не ведавая?

Когда чрезмерная оперативность этого эстрадного лирика стала привлекать всеобщее внимание, он поспешно скрылся на Дальний Восток. Официально Финк выехал по приглашению Военно-театрального бюро «для обслуживания воинских ансамблей».

И вот из далёкого Хабаровска до нас донёсся отчаянный вопль.

Раньше всех с московским гостем столкнулся начальник ансамбля пограничных войск старший лейтенант Фогт. Он пришёл

**Муза
ПОЭТА**

**ФИ
Н
К
А**

в гостиницу в 11 часов, но поэт был ещё в постели.

— Не генерал же пришёл, а лейтенант, — фыркнул Финк на швейцара, доложившего о приходе командира. — Пусть обождёт.

И повернулся на другой бок. Фогт терпеливо ждал. Всё-таки — поэт! Может, действительно, к его изголовью всю ночь слетались музьи и тревожили чуткий сон стихотворца..

В два часа наконец Фогт был принят. Войдя в номер, он увидел длинноволосого молодого человека с надсонновской меланхолией на челе и в модных туфлях такой невероятной расцветки, которые Надсон не надел бы ни за какие коврижки в мире.

— Нам нужна новая программа, — робко сказал Фогт, не зная, как приступить к беседе с хрупким лириком. — Видите ли, нам представляется, что эта программа будет..

— А вам представляется, что эта программа будет стоить восемь тысяч? — рявкнул хрупкий лирик.

— Нет.. не.. представляется.. Туфли описали полный круг в воздухе. Поэт вспал.

— Торговаться мне некогда: моего художественного обслуживания ждут другие ансамбли.

В общем, Фогт сдался. В конце концов разные же бывают музьи. Может, действительно муза этого эстрадного лирика меньше чем за восемь тысяч не слетает к его изголовью.

Договор подписан. Аванс получен. 3 января, в день, когда исполнялся срок сдачи программы, Фогт снова появился в номере знатного гостя..

Сначала тот его просто не узнал: мало ли лейтенантов за это время приносило сюда авансы.

Потом даже обрадовался:

— Ах, это вы!.. Вот кстати! Мне дозарезу нужны две тысячи.

Знаете, придержался в дороге..

— Пожалуйста.. Но..

— Вот спасибо! А насчёт программы вы не беспокойтесь: художественное обслуживание ансамблей — моё призвание. Дней через пять всё будет готово..

Ничего не было готово ни через пять дней, ни через пятнадцать, ни через двадцать пять. Та же судьба постигла и начальника ансамбля краснознамённой Амурской флотилии. Ещё несколько фронтальных коллективов тщетно пытались авансами подстерпеть робкую музу поэта.

Даже резкий фельетон капитана Феоктистова в военной газете «Тревога» не помог. Финк продолжает своё турне со взломом по Дальнему Востоку. Из Хабаровска он перепорхнул во Владивосток. Попрежнему ижаждущие репертуара начальники толпятся в вестибюлях отелей, и сам автор изменённым голосом отвечает по телефону:

— Кого? Финка? Откуда спрашивают? Ах, из 11-го ансамбля!.. Нет его. Совсем нет. Да, да, уехал. Куда? На Камчатку..

Ну что ж, и там, вероятно, есть ансамбли и авансы!

Евг. БЕРМОНТ

Дорогой Крокодил!

(Письма читателей)

Дорогой Крокодил!

В древние времена, когда ещё не было бумаги, люди писали на каменных плитах. И если бы печальная история с моей квартирой произошла в те далёкие дни, может быть, я и удовлетворился бы существующим положением. Но сейчас всё это выглядит довольно грустно.

До войны я со своей семьёй жил в городе, а собственный дом в кишлаке Чкалов (Ленинабадской области) предоставил в пользование сельсовету. С начала войны я нахожусь в армии. Моя же семья переехала снова в кишлак. Естественно, она пожелала поселиться в собственной квартире. Однако Чкаловский сельсовет возвратил квартиру категорически отказавшись. Ленинабадские партийные организации, облисполком и прокуратура строго предписывают. Райисполком и райкомхоз грозно предписывают. Происходит оживлённая и обильная переписка между различными областными и районными организациями. А сельсовет и в ус себе не дуёт.

Так вот я и говорю: если бы история с моей квартирой произошла в далёкие времена, когда различные организации и отдельные лица за неимением бумаги писали на каменных плитах, моя семья могла бы уже из всей этой переписки воздвигнуть уютный небоскрёб средних размеров. Ну, а в наши дни что можно сделать? Ведь из бесчисленных бумажек и резолюций даже конуры не построишь!

А. НАЗЫРОВ,
старший лейтенант
Действующая армия.

Дорогой Крокодил!

Посочувствуй бедным работникам 43-го отделения милиции г. Москвы, пригрей их ласковым словом. Уж так исстрадались они, глядя, как ходит к ним моя мать-старуха Елена Игнатьевна Микша, — всем сердцем хотели бы ей помочь, да никак не могут. А дело такое: в 1933 году выдавали старухе паспорт и перепутали: вместо года рождения 1875 вписали: 1895. Сразу на двадцать лет старуху омолодили.

Елена Игнатьевна тогда же сказала: «Что это вы, миленькие, мне комплименты делаете?» А они отвечали: «Верно, мамаша, ошибка вышла, но не портить же казённую бумагу. Вы, Елена Игнатьевна, так в молодичах погуляйте, а при следующей паспортизации мы вам в акурат ваши годки проставим, к тому времени вы и подрастёте немножко». Ну, Елена Игнатьевна думает: «Если

им всё равно, то и мне всё равно». А вышло не всё равно. Подоспело такое время, когда с 70-летней старухи стали спрашивать как с 50-летней.

Елена Игнатьевна — в 43-е отделение: верните, мол, мне мои годы! А работники говорят: «Мы бы и рады, сами видим, что вы с лица постарше будете, но докажите!» «Как же мне доказать, — говорит Елена Игнатьевна, — когда метрика моя давно пропала, будто и не бывала, а старый паспорт у вас пропал». «Ну, — говорят, — приведите свидетелей вашего рождения, которым по 90 или по 100 лет». Елена Игнатьевна и хотела бы таких достать, но те не дождалась случая выступить свидетелями и померли преждевременно.

Однако старуха исхитрилась и принесла брачное удостоверение, из коего видно, что вышла она замуж в 1900 году, то есть, по нынешнему паспорту, пяти лет от роду. В милиции говорят: «Сами видим, что это невозможно, такие малолетние замуж не выходят. Однако это — ещё не доказательство».

Ну, старуха упорная: она пришла с дочерью Софьей Михайловной, которая 1904 года рождения. Работники милиции снова говорят: «Действительно, этого не бывало, чтобы девочка девяти лет дочку родила. Жалеем вас, но это — не доказательство...»

Так сказочка до сих пор продолжается. Старуха обивает пороги отделения, а работники милиции прямо убиваются, глядя на

старуху. Жаль им её, а как свою ошибку им исправить, — не знают. Сердце у них доброе, и всё заполнено состраданием к старухе, так что для совести уже и места не остаётся.

Пожалей их, дорогой Крокодил, приголубь ласковым словом.

В. МАЙКОВА

г. Куйбышев.

Дорогой Крокодил!

Проездом с фронта на несколько часов в Москве остановился мой родственник. Желая меня повидать, он послал мне с Казанского вокзала телеграмму.

Если учесть, что от Казанского вокзала до моего местожительства езды трамваем и метро всего минут 30, спрашивается: почему телеграмма шла ко мне 24 часа?

И ещё вопрос: неужели для того лишь, чтобы доказать, что 24 часа — это не предел оперативности Московского телеграфа, через 22 часа после первой телеграммы я получил эту же телеграмму вторично?

Попроси руководителей Московского телеграфа ответ на эти вопросы для скорости переслать не по телеграфу, а по почте, обыкновенной почтовой открыткой. Так, может быть, будет вернее и надёжнее.

Н. КОПЕТМАН,
интендант 3-го ранга

Москва.

Уважаемый Крокодил!

Всенародно каемся. Мы, работники 1-го вагонного участка г. Муром, здорово подвели Мёленковский льнокомбинат. Случилось это так. В один прекрасный день комбинат доставил нам для ремонта свой вагон. Отремонтировали быстро мы этот вагон. Однако до сих пор вагон находится у нас, и по всем признакам его никто не собирается забирать.

И вот, как мы ни стараемся, как ни мучаемся, но ничего не можем придумать такого, чтобы вагон попал к своим хозяевам. Предлагалось много вариантов, и, чего греха таить, в изобретательских потугах мы дошли до отчаянного решения: просить самого директора льнокомбината тов. Гогошина забрать наконец свой вагон. Но тов. Гогошин считает, очевидно, наше предложение совершенно абсурдным.

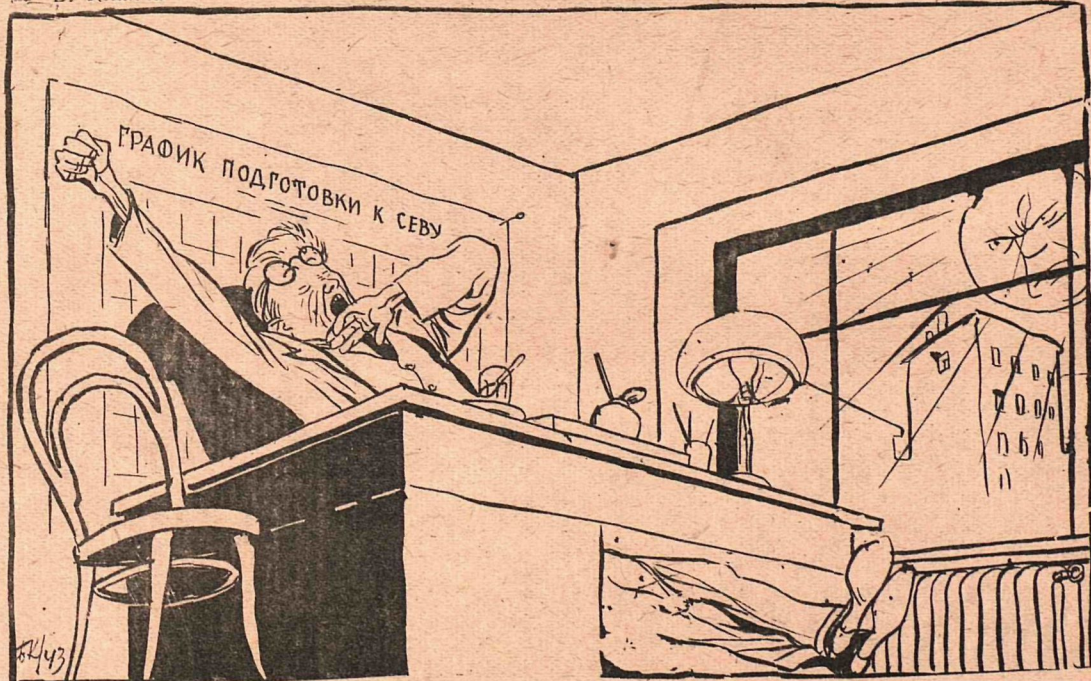
Что ж, как это ни прискорбно, признаёмся в своей бессилии и в отчаянии прибегаем к крайней мере: просим самого тов. Гогошина придумать такое радикальное средство, которое помогло бы отремонтированному вагону очутиться в Меленках.

Начальник 1-го вагонного участка
В. БРИТНН.

г. Муром.

Больше-Черниговский район, Куйбышевской области, плохо готовится к севу.

Рис. Б. Клинка

Весенний сев в разгаре.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор) Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 236

Подп. к печати 7/IV 1943 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 149

Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 919.

Тираж 100.000

24

918

ВЕСНА В ГЕРМАНИИ

Рис. Л. Бродаты

Грачи прилетели!..